

3. Стилистика *Посвящения*

Особого внимания заслуживает предисловие-посвящение Кропоткина к собранию его сочинений, которое, как мы сказали выше, функционально соответствует предисловию Старовольского к его *Двору цесаря турецкого*. Оно, как нетрудно заметить, оформлено по образцу предисловия-посвящения Старовольского с почти дословным повторением формул почтительного обращения к адресату, включающем пожелания доброго здоровья и Божьего благословения⁸. Сравним:

<p>Jaśnie Wielmożnemu Panu, jego mości P. Janowi Zamojskiemu, staroście kałuskiemu etc., etc., Ks. Simon Starowolski K. T. zdrowia dobrego i wszelkiego błogosławieństwa od Pana Boga w długie lata życzy. (б. н.)</p>	<p>Ясневелможному высоко-родному господину, особенно же моему милосердому государю и милостивому благодетелю Петру Стефановичю, Его высоко-родствию Колычову. Убогий раб во печалех своих и нижайший Вашего благородия слуга, Михаил Кропоткин, Вашему превозходительному высокородствию от вся содействующаго Господа Бога милостивнаго благословения и благаго в долгие лета здравия и счастливаго во всем и радостнаго всегда пребывания со преумножителным благ приращением, а потом и в небе радости вечныя, еяже желают ангели приинкнуги, с покорственным моим усердием желаю. (л. 3)</p>
--	---

⁸ Кстати, Стефан Колычев в своих письмах Петру I использует формулу «Премилостивейший царь государь» и «Ваше величество». Ср.: *Письма государя императора Петра Великаго к Степану Андреевичу Колычеву, и ответы его на оныя*, Москва : Унив. тип., у Н. Новикова, 1785.

Старовольский посвящает свой перевод *Vera relazzione* человеку, которому, правда, многим обязан, но нигде не именуется себя ни рабом, ни даже слугою адресата. Ситуация кн. Кропоткина была другой, что и находит выражение в формуле, которая повторяется и в других сочинениях князя: «**Убогий раб** во печалех своих и **нижайший Вашего благородия слуга**» (Старовольский лишь называет свой сан – ксиондз, кантор Тарновский). Тем не менее, следующий за этими трафаретными формулами текст посвящения дает основание полагать, что бывший стольник не лишен чувства собственного достоинства и уверенности в своих умственных способностях. Ссылаясь на третью беседу свт. Василия Великого на слова: *внемли себе* (Втор.15,9)⁹, в которой говорилось о цели употребления слова, о необходимости передавать ближнему свои мысли, он обосновывает свое решение познакомить молодого адресата с сочинениями, знание которых позволит ему не верить лжеучителям и постигнуть истину. И опять, вслед за Василием Великим, подчеркивает важность умения воспринимать слова.

Не являясь переводом, посвящение (*list dedykacyjny*) Кропоткина показывает, что он довольно умело перенес в свой текст принципы построения дедикации, известные ему как по произведению Старовольского, так и, по всей вероятности, по *Хронике* Гвагнаина, фрагменты которой переводил¹⁰. В ней находим элементы автопрезентации и характеристику содержания предлагаемого вниманию адресата сочинения, а также мотивировку литературных занятий князя. Завершает

9 Т. е. «Берегись, чтобы не вошла в сердце твое беззаконная мысль» (Втор. 15, 9).

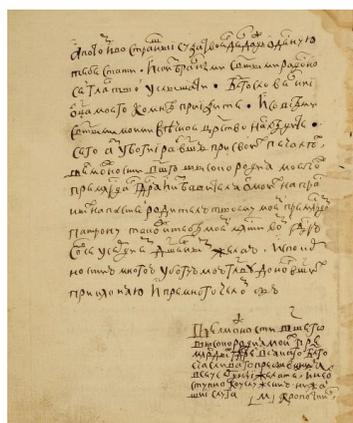
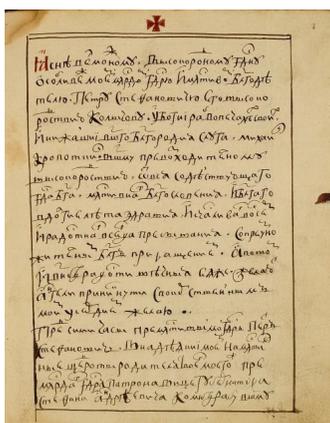
10 Ср.: М. Kuran, *Adresaci i poetyka listów dedykacyjnych w «Kronice Sarmacyjej europejskiej» Aleksandra Gwagnina*, [В:] *Proza staropolska*, red. K. Płachcińska i M. Bauer, Łódź 2011, с. 43–71.

посвящение *conclusio* и *subscriptio* (хотя неполное, без даты):

Велможности вашего высокородия, моих премилосердых государей, всякаго благосчастливаго пребывания всеусердный желает и неотступно ко услужению нижайший слуга [М] Кропоткин.

Важное место в дедикации занимает похвала достоинств адресата и его отца. Кропоткин пишет о заслугах Стефана Андреевича Колычева, которому царь Петр доверил важные государственные дела и который своим умом «иностранных много удивил есть». Развивая мысль Священного Писания о том, что «Корень благий и ветки благии рождает», рассуждает: «Тако же и сей корень, родитель твой, благ есть, от негоже и ветви благия родятся, и к монаршеским интересам всегда во всем годятся». И в заключение повторяет и углубляет этот образ:

Ведаючи бо о милостивном вашем к человеку благодеении, аще и лутчи моего могут вещати, с ними же не остався, и аз убогий не могу молчати, но от моего истиннаго сердца реку сице: **От сего корене блага прозябе, Ваша милость, благий плод.** (Л. 6 – выделено мною – Э. М.)

10. Первый и последний листы Посвящения Колычевым

4. Язык перевода

Перевод Кропоткина, подобно другим переводам конца XVII в., насыщен разного рода полонизмами (лексическими, грамматическими, синтаксическими), передающими единицы и структуры польского оригинала, а также (хотя значительно реже) полонизмами, вошедшими в речь переводчика независимо от текста *Двора цесаря турецкого*.

4.1. Лексические и грамматические полонизмы

В переводе находим множество лексических полонизмов: *змах* ('здание'), *замок* ('дворец'), *вежа* ('башня'), *место* ('город'), *покой* ('комната'), *оподаль* ('вблизи'), *пахолята* ('отроки'), *каштелян* ('смотритель/администратор замка'), *подкаморий* ('камергер'), *струкчаший* ('стольник'), *клеянты* ('драгоценности'), *друкарня* ('печатный двор'), *речь* ('вещь'), *пыха* ('гордость'), *болвохвалство* ('идолопоклонничество'), *побожность* ('набожность'), *годностию* ('достоинством'), *остатняя* ('последняя'), *особливый* ('особый'), *старосвецкая* ('древняя'), *повинен* ('должен'), *волна* ('свободная'), *жаден* ('никакой'), *наведить* ('навестить'), *банкетовати* ('пировать'), *учинок* ('поступок') и т. д.

Некоторые полонизмы сразу объясняются переводчиком. Так, например, фраза «**шпихлеров, то есть анбаров или житниц**, полных хлеба разного» фиксирует поиски русского эквивалента лексемы *szpichlerz* (в оригинале «**szpichlerzów pełnych zboża rozmaitego**»), а фраза «Егда же цесарь турецкий **ходит с помпою, еже есть с славою великою**, дабы его чюжеземцы видели и знали подданные его, яко государь их идет» отражает

процесс работы над переводом лексемы *pompa* (в оригинале читаем: «Kiedy zaś jedzie cesarz turecki z **pompa** swoją na przejażdżkę, aby go cudzoziemcy widzieli i poddani znali jako pana»)¹¹. Ср. также другие случаи, в которых объяснения вводятся с помощью союзов *или, и, якобы* (который сигнализирует неуверенность переводчика, в отличие от *то есть, иже есть* выражающих полную уверенность в правильности переводческого решения):

znidą się wszystkie na jedną salę długą	снидутца все во едину храмину или полату долгую
gdzie wybudowany jest pałac cesarski	где построен есть двор царской и полаты его
Każdy z nich nosi koronkę długą w rękę	каждый из них носит коронки долгие, якобы четки , в руках
i zaraz blisko szpital	И близ ея шпиталь (то есть богаделня)
A co tam była krzcielnica	Была тут крестилница , иже есть купель

В большинстве случаев Кропоткин сохраняет польскую флексию «-owie /-ове» в формах именительного падежа существительных мужского рода, обозначающих наименования народов (**Arabowie** idą za nauką / **арабове** идут за наукою; żeby go **Persowie** nie wykradli / дабы **персове** не украли), в наименованиях элитарных воинов (w drugich zaś dwu dworach **janczarowie** mieszkają / А в других же дворех двух живут **янчарове**) и придворных чинов (tak **sułachowie**, jako i **pejchowie** / как **соляхове**, так и **пехове**).

Вслед за польским оригиналом сохраняются также предложно-падежные конструкции *чрез + винительный падеж* в значении средства или

¹¹ Стоит отметить, что полонизм *pompa* без объяснения появился в тексте перевода чуть выше в титуле 16 главы.